

УДК 81.031.4

И.Э. Ратникова

Имя собственное вне прямой референции: вторичная семантическая функция

Предметом исследования в данной статье является нестандартное, с точки зрения существующей модели языка, речевое поведение имен собственных, функционирующих в качестве окказиональных предикцирующих и атрибутивных номинаций. Как известно, в большинстве случаев окказиональное функционирование языковых единиц вовсе не является абсолютно случайным, но отражает некоторую – не задействованную в узуальном функционировании слов и их объединений – часть их потенциала. Таким образом, "отклоняющееся" употребление слова иногда может дать о нем не менее важную информацию, чем общепринятое. Обращаясь к "вечной" проблеме ономастической семантики, мы уделяем много внимания именно нестандартному функционированию имен собственных, стремясь через индивидуальное и временное понять закономерное. В данной статье мы ставим перед собой задачу описать и квалифицировать те случаи функционирования *Nomina Propria*, которые выходят за пределы ономастической нормы, а также исследовать предпосылки и механизмы нестандартного поведения онимов и охарактери-

зывать их роль в речемыслительной деятельности.

Назовем прежде всего исходные теоретические посылки, определяющие наш подход к описанию ономастического значения. Мы придерживаемся теоретических и методических основ структурной семантики и пользуемся ее понятийным аппаратом, в связи с чем:

1) дифференцируем смысловые элементы ономастических единиц по их характеру и степени значимости;

2) разграничиваем семантические явления и культурные фоновые знания, "ближайшее" и "дальнейшее значение слова" по А.А. Потебне;

3) описываем языковую сущность онимов в тесной связи с их культурной значимостью, их отражением в сознании, но при этом не отождествляем эти, безусловно взаимосвязанные, стороны.

Нельзя не признать, что разграничение семантических и энциклопедических знаний, особенно когда речь идет об именах собственных, – вопрос сложный и, как следствие, дискуссионный. Более удобно в этом отношении описание значения онимов в русле когнитивной семантики, снимающей противопоставление "языковое – психологическое", поскольку, с ее позиций, "нет специфической лингво-семантической организации знаний вне концептуальной памяти в широком смысле" [1]. Однако для нас принципиально важным является разграничение звеньев цепочки "культурный семиозис (процесс формирования значения культурного знака – личности, места, события) и его запечатление в когнитивной системе говорящих → языковой семиозис (формирование речевого значения онима)". Заметим также, что мы основываемся на традиционном представлении о двойственном характере языка как системы и как деятельности. Стремясь уточнить и дополнить тот набор признаков, которым характеризуется интересующая нас категория, т.е. максимально приблизить его к реальному языковому процессу, мы отталкиваемся от функционального уровня, регистрируя те случаи употребления онимов, которые обычно трактуются как переходные, и анализируя внутриязыковые и внешние причины такого употребления.

Узуальное функционирование имен собственных определяется тремя их основными признаками, заложенными в языке как коде: постоянством денотативной ориентации, отсутствием в сигнификате номинативных сем, постоянством формы числа. Однако возможности языка значительно шире общепринятого его использования. Асимметричный дуализм присущ ониму, как и любому лингвистическому знаку, и оним так же "стремится обладать иными функциями, нежели его собственная" [2]. Объективную основу этого составляют минимальный набор сигнификативных элементов имени собственного, можно сказать сигнификативная *tabula rasa*, и в то же время высокий информационный потенциал – база смысловых трансформаций. В речи активно востребуется такой имманентный признак онима, как способность к семантическому расширению. Рассмотрим два распространенных типа "смещенного" употребления имен собственных – предикторного и атрибутивно-номинативного.

Функция предиката и оценочной номинации свойственна прецедентным онимам как хранителям общеизвестных (входящих в когнитивную базу носителей языка) культурных сведений. Ср.: *Кто-то тронул балалаечные струны, и черноземный Батистини запел* (И.Ильф, Е.Петров); *Гиденбург искусства дал им [футуристам – И.Р.] задание бесчеловечное, в котором они должны были погибнуть все до одного: это задание – логическое доведение до нелюпости* (Е. Замятин); *Мендель – еврейский Сократ* (И. Резник). Подобное нереферентное использование ономастических единиц встречается в разных жанрах и стилях, но наибольшее распространение имеет в публицистике, особенно газетной, где высока потребность в оперативных, вырази-

тельных, емких характеристиках новых реалий или нового видения старых реалий. Нереферентное употребление онимов регулярно осуществляется в виде оценочных формул с атрибутивным актуализатором типа *русский Бежар* – о балетмейстере Б. Эйфмане; *нижегородский Лужков* – о губернаторе Нижегородской области; *Мерилин Монро для Рыбникова* – об актрисе А. Пароной; *новый Вьетнам, второй Вьетнам, еще один Вьетнам. Вьетнам на Балканах* – о войне в Югославии и т.п.

Наше понимание статуса имен собственных в составе таких речевых формул отличается от общеизвестного, согласно которому нереферентное употребление онимов связывается с их переходом в класс нарицательных имен, т.е. полной или частичной апеллятивацией. Этот распространенный подход уязвим, потому что ставит оним с трансформированной семантикой в один ряд с апеллятивами, которые омонимичны именам собственным, мотивированы ими исторически (*ванька, донжуан, ерофеич, катюша, альфонс, пинкертон* и т.п.) и для которых деонимизация является способом словообразования. О деонимизации корректно говорить, пожалуй, и в тех случаях, когда в силу долгой традиции и достаточной частотности переносного употребления онимы расщепляются на два узуальных лексико-семантических варианта – онимичный и апеллятивный (*Печорин – печорин, Хлестаков – хлестаков, Обломов – обломов, Пимен – пимен, Малюта – малюта, Шерлок Холмс – шерлокхолмс*), и это даже фиксируется лингвострановедческими словарно-справочными источниками. Но содержание понятия, которое окказионально формируется у имен собственных, значительно шире, чем у синонимичных им апеллятивов, более подвижно и в значительной степени зависит от контекста. Поэтому в рассматриваемых нами случаях мы предпочитаем говорить не столько о частичной апеллятивации или деонимизации (в сущности, эти термины констатируют лишь самый поверхностный уровень рассматриваемого явления, лишь тот очевидный факт, что в тексте *Nomina Propria* функционально сближаются с *Nomina Appellativa*), сколько о семантических приращениях, метафоризации ономастических единиц, которые продолжают осознаваться именно как онимы, хотя и употребленные в переносном значении. При восприятии выражений типа: *Станет ли Дагестан второй Чечней?* (Труд. 1998. 15 авг.); *Идея присоединения Югославии к российско-белорусскому Союзу – Беловежье наоборот* (Белорусская деловая газета. 1999. 1 апр.); *Таково финансовое положение компании, которую президент "ЛУКОЙЛ" назвал "русской Аравией"* (Известия. 1999. 16 апр.) и т.п. имеет место совмещение представлений, обычно мыслимых отдельно, которое Б.М. Гаспаров определил как "эффект палимпсестного наложения". По Б.М. Гаспарову, представления способны выступать в сознании говорящего во взаимном наложении, "как бы в виде нескольких фотографических снимков, снятых на один кадр. Если такой эффект возникает – он переживается говорящим субъектом как эффект "переноса" значения" [3], метафоры. Имя собственное как метафора – эффективный инструмент познания и описания быстро изменяющейся социальной реальности. Новые тенденции в культуре и политике, новые персонажи, появляющиеся на исторической сцене, оцениваются и включаются в более широкий историко-культурный контекст посредством того, что мы называем ономастическим клише, – метафорически употребленного имени индивида или топоса, с которыми связан устоявшийся в сознании стереотип: *Ильич британского суфражизма* – об основательнице женского Социально-политического союза (Итоги. 1998. 24 февр.); *Зыкиной в масштабе назвали маленькую Таню Острягину, исполнительницу народных песен* (Свободные новости. 1999. № 18); *минская Ходынка* – о трагической гибели людей в давке после праздничного гулянья (Навіны. 1999. 2 чэрв.).

Еще один типичный случай "отклоняющегося" поведения онимов связан с образованием формы множественного числа. Известная со времен Ломоносова, эта модель заметно активизировалась в современной публицистике в связи с потребностью оценки личности (группы) как общественного явления. Ср.: *Может собственных Билл Гейтсов Российская земля рождать* – по поводу изобретения новых информационных технологий (Известия. 1999. 30 апр.); *Где наши Ковалевы, Боннэр, Приставкины?* – об отсутствии в Беларуси правозащитников высокого уровня (Имя. 1998. 25 июня). Данная модель отмечается исследователями, в частности О.П. Ермаковой, в числе актуальных семантических процессов в лексике. При этом онимы, употребленные во множественном числе, рассматриваются через призму оппозиции "собственное имя – нарицательное": "Различие политических оценок событий и их участников отчетливо выражается в семантическом процессе превращения некоторых собственных имен в нарицательные в форме множественного числа" [4]. Такой подход обычен. Анализируя проблему орфографического оформления онимов во множественном числе, В.Ф. Иванова также приходит к выводу, что форму множественного числа можно считать морфологическим показателем контекстуального перехода имени собственного в нарицательное [5]. Объяснительная формула "имя собственное становится нарицательным", с одной стороны, логически вытекает из традиционного взгляда на данные категории как на группы слов, жестко ограниченные определенными параметрами, а с другой стороны, как бы ставит под сомнение саму правомерность такого противопоставления: при определенных условиях имя собственное может выражать понятие, следовательно, оно перестает быть собой, переходит в разряд нарицательных, т.е. лексико-грамматический статус слова в каждом случае определяется его контекстуальной смысловой функцией. Возможно, эта противоречивая формулировка порождается пуризмом представлений о возможностях и границах варьирования семантики онимов, несовершенством модели того фрагмента языковой системы, который отражает функционирование ономастических единиц. Онимам, повторимся, как и апеллятивам, свойственно иметь вторичные переносные значения. Обладая потенциально полной морфологической парадигмой, естественные и поэтические антропонимы, зоонимы, некоторые топонимы являются и потенциальными бисемантами, реализующими во множественном числе одну из двух основных моделей переносного значения – метонимическую или метафорическую.

Первая предпосылка нестандартного речевого поведения онимов, выражающегося в семантических трансформациях, заложена в их лексическом фоне, который отражает культурную семантику носителей собственных имен. Семантическое расширение онимов возможно в практике языка вследствие концептуализации некоторых фрагментов реальности, группирующихся вокруг того или иного индивида, топоса, события. Подобные объекты, рассматриваемые в культурологии как "средства трансляции культурнозначимой информации", ее "коммуникативный аналог" [6] однозначно референцируются именами собственными. Последние в свою очередь становятся заместителями данной информации на уровне языка. По мере того как оценка объекта в социуме закрепляется, инвариант его восприятия входит в когнитивную базу носителей языка и ассоциации, вызываемые его индивидуальным именованием, приобретают узуальный характер. Этим предопределяется возможность языкового функционирования онимов вне прямой референции – в первую очередь для наименования того "сгустка культурной среды в сознании" [7], который соответствует данному объекту и окружающим его обстоятельствам. Вторую предпосылку нереперентного использования ономастических единиц мы выводим из того, что имеющиеся в языковой системе вербальные единицы не

исчерпывают всех возможностей комбинаторики элементов значения. Так же как в фонологической системе не реализуется весь набор комбинаций дифференциальных признаков фонем, сохраняются "пустые клетки", в сфере семантики существует разрыв "между имманентным миром значения (миром элементов значения) и миром его манифестаций (миром группировок элементов, манифестируемых значащими единицами)" [8]. В ходе когнитивного освоения изменяющейся реальности еще до порождения соответствующего текста постоянно возникают новые устойчивые комбинации смыслов, которые по мере закрепления в сознании стремятся к лексикализации в языке. Применительно к нашему материалу это означает, что релевантные для того или иного концепта свойства первоносителя имени на уровне текста приобретают статус элементов языкового, сигнификативного значения.

Вышеизложенные соображения позволяют сформулировать следующий вывод. В языке как коде заложены узуальные признаки ономастических единиц: единичная и постоянная референция; отсутствие в сигнификате сем, отражающих свойства денотата; постоянство формы числа. В то же время план содержания онима, актуализованного в языке как процессе, очень тесно взаимодействует с внеязыковыми факторами, прежде всего культурной семантикой денотата, и допускает в определенных условиях перераспределение информации внутри своей структуры: культурные семы, принадлежащие лексическому фону, под воздействием типовых контекстов преобразуются в языковые, понятийные. В переносно употребленных именах собственных при более глубоком рассмотрении мы видим не столько результат деонимизации, сколько проявление имманентной онимам вторичной функции воплощения в едином вербальном знаке культурной семантики объекта (в прямом номинативном значении имя собственное идентифицирует денотат, в переносном оценочном – отображает его культурную семантику).

ЛИТЕРАТУРА

1. **Полюжин М.М.** Основы различий между традиционной лексической и когнитивной семантической теориями // Проблемы семантического описания единиц языка и речи. Мат-лы докл. Межд. науч. конф. Ч.1. Минск, 10-12 ноября 1998. С. 138.
2. **Карцевский С.** Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Цит. по: Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. С. 85.
3. **Гаспаров Б.М.** Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996. С. 264.
4. **Ермакова О.П.** Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996. С. 43.
5. **Иванова В.Ф.** Трудные вопросы орфографии. М., 1982. С.116.
6. **Культурология. XX век.** Словарь. С.-Пб., 1997. С. 228.
7. **Степанов Ю.С.** Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. С. 40.
8. **Арош К., Анри П., Пешв М.** Семантика и переворот, произведенный Соссюром: язык, речевая деятельность, дискурс // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 145.

S U M M A R Y

The subject of the article is the non-standard functioning of onomastic units. The Russian and Belarusian Mass-Media were used as a source of linguistic material. The author comes to conclusion that metaphorical and metonymical transformation of the onomastic semantic is the immanent property of proper names and can be considered as their secondary semantic function.